

О либеральной бюрократии и российских реформах

Последняя книга Натана Эйдельмана называется «Революция сверху». Она о том, что целый ряд изменений в истории российского государства, объективно носивших революционный характер, были инициированы и проведены самой правящей элитой.

Эйдельман писал эту книгу в годы перестройки, когда очередные тектонические преобразования были проведены теми же «верхами», на этот раз партийными.

В связи с этим возникает закономерный вопрос, кто в России может с большим основанием претендовать на роль основного автора реформирования страны: радикальная политическая оппозиция или либеральная бюрократия, обладающая соответствующими знаниями и возможностями. Обратимся к историческим параллелям. Впервые феномен либеральной бюрократии появился в России в середине XIX века. Ранее можно было говорить только об отдельных либеральных вельможах или царских приближенных — когда Александр I в первые месяцы своего царствования пытался собрать вокруг себя реформаторски настроенных аристократов, то оказалось, что их можно было сосчитать на пальцах одной руки.

Либеральная бюрократия как слой появилась после создания в России системы качественного профессионального образования при Николае I, который хотел отвлечь своих молодых верноподданных от французских учителей да германских университетов, способствовавших вольнодумным мыслям. Произошло иное. Если раньше молодежь училась «понемногу — чему-нибудь и как-нибудь», то затем из высших учебных заведений стали выходить образованные профессионалы: юристы, инженеры, офицеры с высшим образованием, которые могли решать конкретные задачи и при этом в большинстве своем отличались умеренно-либеральными взглядами, ориентируясь на западные образцы. Именно эти специалисты стали основными участниками Великих реформ — освобождения крестьян, введения суда присяжных, местного самоуправления (земского и городского), ликвидации рекрутчины, создания современной системы государственного контроля. Они же строили железные дороги, которые способствовали развитию отсталых ранее регионов страны — Сибири, Туркестана, Северного Кавказа.

Столыпинскую аграрную реформу также реализовывали либеральные бюрократы, только несколько другой формации — менее романтичные, более приземленные. К тому времени идеализм времен Великих реформ уступил место прагматизму, который, однако, не препятствовал реализации мер по созданию в стране слоя крепких хозяев-собственников. Речь шла не только о сельскохозяйственных преобразованиях, но и, к примеру, о восстановлении упраздненного в контрреформаторские времена Александра III мирового суда, единого для всех категорий населения, от дворянина до крестьянина. Разрабатывались проекты создания «мелкой земской единицы», основанной на том же всесословном принципе — но они не были реализованы из-за отсутствия политической воли у высшего руководства страны, а затем из-за революции и последовавшего слома государственной машины.

Российская «реформация» (термин Александра Яковлева) конца 1980-х годов также проводилась усилиями либеральной бюрократии, подготовленной в советских учебных заведениях, но так же, как и при Александре II, ориентированной на современные мировые образцы, а не на отечественную архаику. Кстати, и тех, и других «почвенники» обвиняли в космополитизме и небрежении национальными интересами. При этом либеральная бюрократия действовала в ситуации, когда гласность и последовавшая за ней демократизация не были так уж сильно востребованы большей частью общества, способной неплохо прожить без конкурентных выборов и Солженицына в «Новом мире».

Возникает закономерный вопрос — сохранился ли реформаторский потенциал либеральной бюрократии? Есть ли у нее сколько-нибудь серьезные возможности для того, чтобы реализовать свои идеи? Не стали ли либеральные бюрократы конформистами, заинтересованными только в собственной карьере?

Представляется, что нет. Во-первых, либеральная бюрократия, в целом, сохраняет свои позиции в

государственном аппарате. Более того, этот аппарат постепенно пополняется чиновниками нового типа, получившими качественное образование уже в постсоветский период — некоторые из них имеют опыт практической работы в рыночных структурах. Повышение зарплат государственным служащим привлекает молодых перспективных людей в сугубо гражданские учреждения (силовые ведомства пользуются еще большей популярностью, но по другим причинам).

Во-вторых, мы видим множество примеров того, как происходит разработка конкретных законодательных актов, зачастую в условиях сильной «подковерной» борьбы, которая имеет не только сугубо аппаратную, но и идеологическую составляющую. Например, законопроект о стратегических отраслях, который без участия либеральной бюрократии уже давно был бы принят в «силовом» варианте, способном отпугнуть инвесторов и резко усилить влияние спецслужб на принятие экономических решений. Или провал многочисленных попыток установить законодательный контроль над интернетом. И это в чрезвычайно неблагоприятной для либеральных реформ ситуации, когда государство консолидировалось в борьбе с крайне преувеличенной «оранжевой» угрозой, а политическим приоритетом российской власти стало обеспечение государственной безопасности. Даже тогда сохранялись возможности для того, чтобы принимать достаточно либеральные законы — в частности, об особых экономических зонах, которые стали создаваться в различных регионах страны. Обратим внимание и на конкретные действия власти. Например, эмоциональные шаги в отношении Польши, Грузии, Эстонии, часто демонстрировавшие свою контрпродуктивность и наносившие имиджевый ущерб собственной стране, сменяются на куда более прагматичный и разумный подход к связям с этими государствами.

Сейчас для либеральной бюрократии появляется новый шанс — пока что очевидно изменение властной риторики и возвращение к обсуждению вопросов, которые казались неактуальными (вроде независимого суда или участия чиновников в советах директоров компаний). Эти процессы сопровождаются, впрочем, судорожными «силовыми» действиями типа ареста Максима Резника и гонений на Европейский университет. В «переходные» периоды такая разнонаправленная активность не является чем-то необычным и свидетельствует о различиях приоритетов конкурирующих групп и фигур во власти. Будет ли использован этот шанс — другой вопрос, который пока остается открытым.

Алексей Макаркин

Автор — вице-президент Центра политических технологий

Автор: Артур Скальский © Ежедневный журнал ПОЛИТИКА, МИР 👁 6862 21.03.2008, 14:00 📄 449

URL: <https://babr24.com/?ADE=44294> Bytes: 6368 / 6354 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)